Затерянный город

Автор:
Улисс Мур

Затерянный город

Улисс Мур

Секретные дневники Улисса Мура #7

Новая череда загадок ждет обитателей Килморской бухты…

Венеция. В реставрируемом доме Анита Блум находит тетрадь с загадочными рисунками, перемежающимися непонятными записями. Что это за таинственный шифр, столь схожий с записями в секретных дневниках Улисса Мура? Есть только один способ узнать это – отправиться в спрятанный город в Корнуолле, а для этого обратиться за помощью к отважным путешественникам во времени – Джейсону, Джулии и Рику.

Улисс Мур

Затерянный город

Секретные дневники Улисса Мура

Книга седьмая

Эта книга для моей мамы. Она ее начала.

Глава 1

ВЕНЕЦИАНСКИЙ КОТЁНОК

– Мьоли?! – тихо позвала Анита. – Мьоли?!

Привстав, она осмотрела зеленую лужайку, прислушалась, приоткрыв рот, и повернулась к каменному колодцу. Что-то скрипнуло? Шевельнулось? Прошелестел упавший лист? Девочка внимательно осмотрелась. Нет, ничего такого не произошло.

Котенка в колодце не оказалось.

Анита провела рукой по голове и, сняв резинку, распустила волосы – темные, гладкие, длинные – ниже лопаток. Закусила губу, не зная, сердиться или тревожиться.

Уже поздно. Июньское небо над головой цветом походит на засахаренный апельсин. С лагуны дует свежий ветерок, покачивая недавно распустившиеся глицинии и разнося нежный запах сирени.

– Мьоли?! – снова позвала Анита, хотя понимала, что нет смысла искать здесь котенка.

Возможно, он забрался на кривой ствол глицинии, прошелся по витым металлическим прутьям виноградной беседки и в который уже раз перепрыгнул через низкую каменную ограду, которая окружала небольшой сад. И все произошло, можно сказать, на глазах Аниты, которая все послеобеденное время занималась тут, за столиком на лужайке.

– Как досадно!

Ветер шуршал страницами учебника истории, словно старым веером.

«Как досадно! – повторила девочка про себя. – Когда же я видела Мьоли? последний раз?» Раньше. «Но когда раньше?» – задумалась она, теребя резинку.

У Аниты еще никогда не было часов. Время она отмечала зрительными впечатлениями. Когда солнце опускается за ровный горизонт в лагуну и словно воспламеняет воду между суденышками, направляющимися в Местре и Кьоджу, это значит, день подходит к концу.

Над головой совсем низко, громко шумя крыльями, пронеслась целая эскадрилья голубей.

Это другая примета неминуемого заката, и для Аниты своеобразный сигнал: пора взять реванш. И теперь нельзя терять ни минуты.

Девочка поспешно сунула в рюкзак книгу, тетрадь и ручку и побежала по узкому и длинному двору к дому – к старинному трехэтажному зданию с обшарпанными стенами и узкими стрельчатыми окнами. Из отверстий под крышей торчали железные балки, какие ставят, когда ремонтируют здание.

Девочка вошла в вестибюль, тронула перила узкой лестницы, ведущей на второй этаж, и прислушалась. Далеко наверху, где работала мама, звучало радио, настроенное, как всегда, на классическую музыку. Звуки скрипки, сопровождавшие какую-то знаменитую арию, витали вокруг, словно призраки, рождая печальное эхо.

Все стены вдоль лестницы от пола до потолка разрисованы темными фресками, изображавшими какие-то лица, животных и фигуры, утопавшие в тени. Потолок, наверху, под самой крышей, пылающий ярким золотистым цветом, пересекает глубокая темная трещина.

Аните она представлялась корнем какого-то дерева.

– Дерево времени и запустения, которое питается пустотой и тишиной, – шептала она всякий раз, следуя взглядом за изрезанными краями трещины до самой «лужи», в которой та исчезала и в которой девочка, казалось ей, различает маленькие серебряные листики.

И ничего не могла поделать: она всегда была такой фантазеркой.

Она все видела вот таким необычным образом.

Даже если ей говорили, что она ошибается, и объясняли, что лишь кажется, а на самом деле ничего такого нет и в помине.

Но в этот вечер для Аниты не было в помине только котенка.

Она опустилась возле лестницы на колени и снова позвала:

– Мьоли?!

Но расслышала только скрипичную музыку, звучавшую по радио, и далекий людской говор, доносившийся снаружи – с постоялого двора или с канала.

Анита поднялась по лестнице, переступая через две ступеньки. Не стала смотреть на людей, изображенных на фресках, и держалась поближе к перилам.

Как-то раз она представила, будто эти скрытые в стенах фигуры могут украсть ее или хотя бы просто ухватить за одежду. И с тех пор эта мысль не давала ей покоя. В волнении она быстро взбежала на третий этаж и перепрыгнула через железные балки на полу. Здесь все комнаты до потолка заполняли строительные леса.

Мама Аниты находилась там, под самой крышей.

Грязная рабочая одежда серого цвета, прозрачная пластиковая шапочка на светлых волосах и огромные желтые очки делали ее похожей на какое-то уродливое насекомое.

Мама Аниты – художник-реставратор. Несколько недель назад ей поручили реставрировать этот старинный дом со множеством живописных росписей на стенах. Восстановление фресок требовало большого терпения. И мама Аниты медленно возвращала к жизни старинные росписи – скребла, терла, чистила их с помощью скальпелей, ножей и ватных тампонов, смоченных в дистиллированной воде. Ей придется работать по меньшей мере год, чтобы восстановить живопись на всех стенах в этом доме.

И Анита все время будет здесь.

Она охотно переехала в Венецию, и ей очень нравилось заниматься тут, на лужайке. Дом, конечно, чужой, но благодаря маминой работе он казался Аните уже почти своим.

– Мама! – крикнула она, войдя в комнату. – Ты не видела Мьоли??

Мама, стоявшая на лесах под потолком, даже не услышала ее. Она была поглощена своей работой и музыкой, которая доносилась из маленького приемника.

Анита позвала маму еще раз, потом поняла, что делать это бесполезно, придется искать котенка самой. Она опустила рюкзак на видное место у двери – так мама поймет, что она ушла, – быстро вернулась в сад, подняла тяжелую задвижку на дверце в ограде и вышла на один из каналов залитой солнцем Венеции.

* * *

Венецианцы называли это здание Разрисованным домом из-за того, что все стены в нем покрыты живописью. Дом находился в районе Дорсодуро, в южной части города, там, где, по мнению жителей, только и остались еще последние настоящие венецианцы.

Анита всего несколько месяцев назад приехала в этот волшебный город на воде. Звали девочку Анита Блум. Анита – ей исполнилось двенадцать лет – счастливая, причем единственная, дочь итальянской художницы-реставратора и английского банкира, оставшегося в Лондоне, но собиравшегося приехать к ним. Несмотря на то что, любил повторять ее отец, не так-то просто убедить банк переехать из

Лондона в Венецию.

– Вот увидишь, Венеция понравится тебе! – сказал отец на прощание, когда Анита с мамой уезжали. – Ну, поторопись. И не плачь. А почувствуешь, что скучаешь по Лондону, садись в самолет. Рейс каждый час!

Все верно, думала Анита, пробегая вдоль канала Борго в поисках котенка. Кроме одного – она нисколько не скучает по Лондону. А в самолет садился ее папа, когда хотел навестить ее.

Девочка заглядывала во все закоулки, во все ворота, осматривала плющ, поднимавшийся по стенам домов, смотрела на крыши, спрашивала прохожих, не видели ли они случайно черно-белого котенка с пятном вокруг глаза. Никто не видел Мьоли?.

По мере того как Анита удалялась от Разрисованного дома, город – этот лабиринт из воды и света – все больше восхищал. Освещенные ярким солнцем крыши с их кружевным рисунком походили на пламенеющие гирлянды, а фасады дворцов казались позолоченными.

– Мьоли?! – который уже раз позвала Анита, выходя на совершенно пустую площадь Святого Тровазо. Ни души не было ни на солнечной стороне, ни в тени огромной церкви, ни на пятнистой брусчатке. Одна только Анита бродила тут в поисках своего пропавшего котенка.

Девочка остановилась. Эта удивительная, необыкновенная тишина, какую невозможно себе представить ни в каком другом городе, помогала ей думать. А думать Анита любила.

Ей нравилось улетать за какой-нибудь мыслью, оказаться у нее на поводу, уходя в разные стороны, куда только она может повести, а потом вдруг спохватиться, вспоминая, что же она только что делала или что нужно сделать.

Найти котенка.

Немедленно.

Она огляделась. Ее дом находился недалеко, на соседней улице. Отсюда даже видна беседка, увитая глициниями. Значит… Если Мьоли? перескочил через невысокую каменную ограду, он легко мог перебраться и на тот большой желтый дом, а потом по крышам отправиться в старый монастырь и спрыгнуть на землю…

– Практически куда угодно мог убежать, – решила Анита, оглядываясь.

Она повертела в руках резинку.

Кошки обычно привязываются к одному месту, подумала она.

В таком случае она знает, где искать Мьоли?. В небольшом помещении на площади Святого Тровазо. Это последний в городе ангар, где еще строят гондолы. Три недели назад Мьоли? убежал туда, спрятался между лодками и пропал. Оказывается, сидел в гондоле.

Анита невольно улыбнулась. Да, решила она, наверное, он опять забрался туда.

* * *

Крытый ангар для лодок на площади Святого Тровазо представлял собой небольшой деревянный дом, очень похожий на сельский домик в Альпах, отчего казалось, будто он упал сюда, на берег лагуны, прямо оттуда. В ангаре стояли на деревянных подставках только три гондолы, и вроде бы никого не было.

Анита смотрела внутрь сквозь решетку, прислонясь к ограде, потом услышала чьи-то шаги.

– Извините! – сказала она, привстав на цыпочки. – Извините!

Из деревянного домика вышел высокий, сутулый человек, и девочка спросила, не видел ли он котенка.

– Нет, не видел! – ответил строитель гондолы с ярко выраженным венецианским акцентом. Потом снял шапку и с усмешкой добавил: – Пойди спроси у Вичентин в

номере восемьдесят девять. И понадейся, что и там никто не видел его.

Анита сказала спасибо и убежала. Она знала гос под Вичентин, живущих в доме номер восемьдесят девять, и знала, что вовсе это неправда, будто они едят кошек, поэтому не стала обращать внимания на последние слова строителя гондолы.

Так или иначе, ее котенка нигде нет.

И куда он мог подеваться на этот раз?

Девочка искала его повсюду и нигде не находила – нигде!

Ей требовалась помощь.

Она пробежала к дому номер сто семьдесят три, который находился между домами четырнадцать и семьдесят восемь, что в общем-то вполне нормально, поскольку нумерация домов в Венеции соответствовала какому-то загадочному правилу или, если хотите, тайному коду, известному только почтальонам.

Остановившись у дома сто семьдесят три, Анита посмотрела наверх и немного отступила назад. Окно третьего этажа, обрамленное каменным резным украшением, открыто. На балкончике виден вьющийся душистый горошек, сильный запах которого отгоняет комаров.

На двери не было колокольчика. Чтобы получилось погромче, Анита приставила ко рту руки рупором и позвала:

– Томми!

Спустя мгновение в окно выглянул темноволосый большеглазый мальчик.

– Анита! – обрадовался он. – Подожди, сейчас спущусь и открою.

– Не надо, я не буду входить. Я ищу Мьоли?.

– Опять?

Анита вздохнула:

– Ну да! Опять! Поможешь поискать?

– Ну конечно! – ответил Томми. – Сейчас выйду.

И сдержал слово. Оставаясь на улице, Анита могла представить все движения мальчика по сопровождавшим их звукам.

Вот Томми торопливо переоделся, вот наткнулся на стол и уронил целую стопку книг, прошел по коридору и сбежал по крутой лестнице в кухню.

Потом Анита услышала, как он сочинил какой-то предлог для родителей, отпер входную дверь и, наконец, выскочил наружу с пылкостью солдата, готового выполнить любое задание.

– Когда он исчез на этот раз? – спросил он, на ходу натягивая свитер на мятую рубашку.

– Не знаю точно. Час или два назад. Может, и три.

– Ясно.

Томми сунул руки в карманы брюк и принялся доставать из них: компас, часы, пару крючков с леской, коробок спичек, которые горят даже в воде, швейцарский перочинный нож и жестяную коробочку с ванильным печеньем.

– Вот что мы сделаем, – сказал он, показывая Аните печенье. – Мы же знаем, какой Мьоли? прожорливый, вот и воспользуемся этим.

– Думаешь, он опять спрятался?

Томми кивнул:

– Уверен. Но, как говорит моя бабушка, ни один котенок не в силах устоять перед «Нежнейшим ванильным печеньем».

* * *

Они быстро вернулись на площадь Святого Тровазо, которая из-за длинных вечерних теней теперь выглядела таинственной. Анита еще несколько раз позвала Мьоли?, а Томмазо тем временем, раскрошив свое вкуснейшее ароматное печенье, рассыпал его повсюду, и вскоре нашлись четыре кота.

Но ни один из них не звался Мьоли?.

Ребята вернулись к Разрисованному дому, заглянули во все углы, за все невысокие каменные ограды, под мост, соединявший берега канала, и осмотрели ступеньки, спускавшиеся к причалу.

Никакого Мьоли? нигде не было и в помине.

– Глупый котенок! – рассердился Томмазо, выбрасывая последние крошки сладчайшего печенья.

Потом остановился, как всегда, у входа. Казалось, мальчик рассматривает фасад с осыпавшейся штукатуркой, походивший на пиратскую карту с обозначением берегов, островов и тайных бухт, которые нужно отыскать.

Снаружи Разрисованный дом выглядел очень даже внушительно. Он был на этаж выше соседних зданий, и под его островерхой крышей с шестью дымовыми трубами находилось большое слуховое окно, украшенное по периметру резным мрамором. Все окна закрыты. Над входом красуются две огромные буквы «М», сплетенные подобно ветвям оливы.

– Томмазо, давай поищем в доме, – предложила Анита.

– А твоя мама еще там?

– Думаю, там, – сказала Анита, открыла скрипнувшую дверь и подождала, пока друг войдет внутрь. Потом поинтересовалась: – А почему спрашиваешь?

– Ну, ты же прекрасно знаешь, – ответил Томмазо, – что у этого дома... дурная слава.

– О, прошу тебя! – произнесла Анита, проходя по вестибюлю к выходу в небольшой внутренний двор.

Томми незаметно огляделся, напуганный фресками, украшавшими стены.

– Когда перестанешь наконец верить в эти суеверия? – прибавила девочка.

– Это не суеверия. Запомни: это Разрисованный дом, и...

– Мама говорит, что его еще называют Дом Мориса Моро, – сказала Анита.

Томми пожал плечами.

– Венецианцы называют его Разрисованным домом, – продолжал мальчик, указывая на стены, покрытые рисунками, – из-за всех этих росписей, которые тот сумасшедший сделал на стенах.

– Это художник, – уточнила Анита. – Великий французский художник и иллюстратор. Мама говорит, что Морис Моро семь лет разрисовывал этот дом.

– Да. А потом его нашли повешенным.

– Томми!

– Но это правда.

– Это неправда! – с возмущением возразила Анита. – Он умер от старости.

– Тогда кто же поджег его мастерскую на последнем этаже?

Девочка промолчала, оглядывая фасад дома, выходящий во двор. Кирпичная стена здесь как бы сгорбилась за многие годы от сырости, на верхнем этаже на позолоченном потолке имелась глубокая трещина. Снаружи тянулось большое темное пятно – след от копоти, покрывавшей почти всю стену. Тут и в самом деле случился пожар, который уничтожил часть дома. Но кто знает, как давно это произошло.

И кто знает почему.

Нет, Морис Моро не повесился, подумала Анита.

Томми подошел ближе и признался:

– Знаешь, все-таки этот дом немного пугает...

– Немного, – согласилась девочка.

Томми указал на обгорелую крышу:

– Ты поднималась когда-нибудь на последний этаж?

Анита покачала головой:

– Мама говорит, это опасно. Там могут рухнуть балки. Сначала там должны поработать строители.

– Да, – кивнул Томмазо.

Они помолчали.

И тут мальчик обнаружил в кармане еще одно печенье.

– Ну, конечно, это для Мьоли?, – улыбнулась Анита.

И они опять стали искать котенка.

* * *

Осмотрели все уголки сада, потом Томми забрался на невысокую каменную ограду, на которую свисали глицинии: он хотел заглянуть в соседний двор – что, если котенок просто не может выбраться оттуда?

– Что там видно? – спросила Анита снизу. Стоя на ограде, Томмазо осматривал все вокруг, близоруко щуря глаза.

– Посмотри сама, – предложил он и протянул девочке руку, помогая подняться.

Анита тоже забралась наверх и встала рядом с ним.

Перед ними раскинулся своего рода лабиринт из множества невысоких оград, цветущих деревьев, узких и высоких домов, крыш, небольших двориков, арок и типичных венецианских окон, разделенных посередине тоненькой колонной.

– Теперь понимаешь, в чем сложность?

– Мьоли? может быть где угодно, – ответила, расстроившись, Анита.

– Вот увидишь, он вернется.

– Думаешь?

– Конечно. К тому же тут совсем не опасно. Здесь он не рискует попасть под машину.

Томмазо оставил на стене ванильное печенье, и они спрыгнули на землю.

– Не хотелось бы, чтобы он угодил в колодец… – проговорила Анита.

– Ну, это невозможно, – заключил Томми.

Однако на всякий случай они все же заглянули и туда. Колодец, сложенный из светлого камня, оказался чуть ли не выше их роста, к тому же его закрывала

решетка.

Томми извлек из своих бездонных карманов электрический фонарик и посветил вниз.

Внутри колодца скопился мусор, попавший туда за время, пока дом оставался необитаемым.

– Видела?

Анита кивнула.

Они направились в дом.

Девочка стала подниматься по лестнице, а Томми остановился.

– Он мог спрятаться где-нибудь на верхнем этаже, – оглянувшись, сказала Анита.

– Твоя мама не хочет, чтобы я поднимался туда.

– Моя мама никому не разрешает подниматься туда. Она работает и не хочет, чтобы трогали ее инструменты.

– Понятно. – Мальчик провел рукой по волосам. – Значит, мне и незачем подниматься.

Анита подошла к нему:

– Скажи правду. Я же понимаю, что это только предлог.

Томми посмотрел на странные лица на стенах. Какое-то одноглазое чудовище, наверное, должно было изображать Полифема, а щупальца – Симплегадов, мифических существ, сталкивающих скалы, чтобы раздавить проплывающие между ними суда…

– Может, и предлог, – покачав головой, согласился он, – только говорят, в этом доме происходили странные вещи…

С верхнего этажа донесся какой-то металлический звон. И через мгновение повторился.

– Ты хочешь сказать, тебе страшно?

– Не то чтобы страшно, но...

Томми вдруг замолчал, и глаза у него округлились. Наверху лестницы появилась какая-то фигура в белом одеянии и в огромных желтых очках.

– Осторожно! – закричал Томми подруге, отступая.

Желтоглазый призрак остановился. Мама Аниты сняла очки, в которых работала, и, вздохнув, сказала:

– Это я, Томми! На сегодня я закончила!

Она сняла шапочку, высвободив волосы, и расстегнула рабочий халат. Наконец сняла и отбросила в сторону перчатки.

– Добрый вечер, госпожа, – проговорил Томмазо, когда женщина подошла к нему.

– А ну-ка признавайтесь – что затеваете? – спросила она, погладив дочь по голове.

– Мы ищем Мьоли?, – ответила Анита.

– Того котенка?! – засмеялась ее мама. – Опять спрятался?

– Похоже.

– Уж точно его не украли, – пошутила госпожа Блум. – Где бы он ни был, поищем завтра.

– Но...

– Нет, Анита, – вздохнула мама девочки, – на сегодня поиски котенка окончены. Я работала весь день на лесах, устала, испачкалась в краске и мечтаю только об одном – принять душ и что-нибудь поесть.

Анита с тоской посмотрела на лестницу, уходящую вверх.

– Вернется, вот увидишь, – заверила девочку мама.

– Томми тоже так говорит.

– И он прав. Завтра после обеда, когда придешь сюда заниматься, котенок будет сидеть в саду и ждать тебя.

Анита поискала сочувствия у Томми, но ее единственный венецианский друг слишком растерялся из-за того, что принял женщину за призрак, и теперь стоял, опустив голову и ожидая, чтобы все поскорее закончилось.

Глава 2

ГДЕ ПРЯТАЛСЯ МЬОЛИ

Заперев дверь Дома Мориса Моро, все трое вышли на канал Борго. С лагуны дул сильный ветер, принося с острова Джудекка запахи цветов и какие-то бумаги, кружившие по земле, словно листва.

Томми остался весьма доволен, что выбрался целым и невредимым из дома, который так страшил его.

Аниту, напротив, дом этот нисколько не пугал. Он казался ей вполне даже реальным существом: шесть дымовых труб – это взлохмаченные волосы, балкон – улыбающийся рот, подвалы по обе стороны дверей – пухлые щеки нахальной физиономии.

– Томми рассказал, что старый владелец дома повесился на последнем этаже, – вдруг произнесла Анита, как бы развивая свое воображение.

– Анита! – с укором произнес Томми, покраснев от смущения. – Это неправда!

– Но ты же сказал это!

Девочка подождала, пока ее мама запрет висячий замок на цепочке у входной двери, и спросила, правда ли это.

– Конечно нет. Глупости! – Женщина засмеялась, направляясь к ребятам. – Кто тебе рассказал это, Томми?

– Так говорят…

– Так значит, не повесился? – продолжала выяснять Анита.

Госпожа Блум покачала головой:

– Вот еще! Морис Моро умер от старости у себя дома, как и хотел. – Она остановилась и показала на причудливое каменное украшение слухового окна: – Он умер вон там, в своей мастерской, выпив горячего чая. Говорят, будто перед смертью он сказал: «Я видел слишком много красоты».

– Томми уверяет, что этот дом приносит несчастье.

– Анита! – снова с укором сказал мальчик. Он не знал, что можно так доверительно делиться своими мыслями со взрослым человеком. И уж тем более что не стал бы так говорить со своей мамой. Это совершенно немыслимо.

– Ты в самом деле так сказал?

– Нет, госпожа Блум, – попытался оправдаться он. – Но в Дорсодуро… незадолго до вашего приезда, разумеется… все всегда говорили, что не нужно ходить играть в Разрисованный дом. То есть, понимаете, возле него…

– И вы, – сказала художница-реставратор, – могу поспорить, всегда играете именно здесь.

– Ну, в общем да… – признался Томми, пригладив волосы. – Получалось как бы… испытание на смелость. Нужно было забросить мяч во двор Разрисованного дома и потом… сбегать за ним. Пока… я хочу сказать… обезьяна… – Мальчик замолчал.

– Какая обезьяна?

– Ну, короче… Мы думали, тут живет… обезьяна.

Теперь рассмеялась Анита:

– Обезьяна? В Венеции? Вот так новость!

– Но тем не менее это действительно так, – возразила ее мама.

Томми выпучил глаза.

– Морис Моро, когда приехал сюда, действительно привез с собой обезьяну, – объяснила художница-реставратор. – Это была макака с Гибралтара, Морис очень любил ее и даже изобразил на стене.

– Я не знала! – воскликнула Анита. – А где?

– Как раз на той фреске, которую сейчас расчищаю. Когда Морис умер, сидя в кресле, именно обезьяна и сообщила об этом соседям…

– Какая интересная история… – проговорил Томми.

– А что потом случилось с обезьяной? – спросила Анита.

Госпожа Блум пожала плечами:

– Кто его знает. Одни говорят, будто это она устроила пожар, оставшись одна, и тогда сгорела часть последнего этажа.

– Подумать только! – удивилась Анита. И вдруг спохватилась: рюкзак! Взглянув на маму, поняла, что та не взяла его.

– Значит, это правда, что тут был пожар? – спросил Томми, снова заинтригованный.

– Еще какой! И хорошо еще, что… – Госпожа Блум почувствовала, что ее тянут за рукав. – Что случилось, Анита?

– Дай мне ключи. Я забыла рюкзак.

– А он нужен тебе?

– Там задание на завтра.

Вечерние сумерки уже окутывали невысокие, тесно стоящие дома, небо сделалось фиолетовым, близилась ночь. И даже выглянула луна.

– Мне хочется домой, дорогая, – вздохнула госпожа Блум.

– Я одна схожу за ним.

– Тебе не открыть замок.

– Открою.

– Уверена?

Анита кивнула и протянула руку:

– Я бегом. И вернусь домой раньше тебя.

Ключи перекочевали из кармана госпожи Блум в руку ее дочери.

– Осторожно поднимайся по лестнице. Там темно.

Анита взглянула на Томми, и тот слегка покачал головой.

Девочка помахала рукой маме и другу и побежала к Разрисованному дому, ни разу не обернувшись.

А когда подошла к двери и стала подбирать нужный ключ, желая отпереть висячий замок, обнаружила, что совсем запыхалась и сердце сейчас выскочит из груди. И не потому, что бежала. А из-за множества противоречивых чувств, охвативших ее, в том числе и от страха. Она будто чувствовала, что вскоре произойдет что-то важное. Что-то совершенно неведомое.

А вот дом, похоже, очень хорошо знал, что должно произойти.

* * *

Висячий замок стукнулся о стену, и дверь бесшумно открылась. Анита вошла в прохладный вестибюль. Сейчас, когда тут не звучала музыка из маминого приемника, Разрисованный дом казался много больше, словно ночь увеличила его.

Посмотрев из вестибюля во внутренний двор, Анита увидела колодец. И не смогла не подумать о чем-то страшном. Потом убедила себя, что все это

глупости, и, отбросив все пугающие мысли, стала подниматься наверх по широкой лестнице, со слишком низкими ступенями, чтобы наступать на каждую, и слишком широкими, чтобы перешагивать чрез две, так что идти было неудобно.

Анита решила не смотреть на стены с изображениями лиц и огромных змей, которые, казалось, обвивали окна второго этажа. К тому же это ведь не настоящие змеи, а мифологические фигуры, как объяснила мама. Сирены. Сцилла и Харибда. Путешествие аргонавтов на первом судне. Священный афинский дуб, умевший говорить.

Да, конечно. Но только в другой раз.

Анита не задержалась на втором этаже, где все комнаты еще заперты, и пробежала, не переводя дыхания, на третий, где стояли леса.

Если второй этаж был довольно низким, то на третьем потолки оказались очень высокие, по меньшей мере три с половиной метра. Ее мама поставила леса в большом зале, с одной стороны которого окна выходили в сад, а с другой балкон смотрел на канал Борго. Это было самое большое помещение в доме.

Анита прищурилась, пытаясь рассмотреть что-либо в темноте. К счастью, рюкзак лежал там же, где она его оставила, – у входной двери.

Леса представлялись девочке каким-то железным гигантом. Кисти, ведра с водой, шпатели и банки с гипсом – все это только угадывалось в темноте.

Анита взяла рюкзак и хотела было направиться вниз.

И вдруг услышала какой-то звук.

Как будто...

Нет, ничего... Показалось.

Но это походило на...

Мяуканье?

– Мьоли?? – шепотом позвала девочка.

Она остановилась на лестничной площадке третьего этажа. Прислушалась. Дом французского книжного иллюстратора словно тихо дышал, вбирая последние отблески дня. Полоски света проникали сквозь закрытые ставни. И когда попадали на стены, Аните казалось, будто картины медленно оживают.

Девочка закрыла глаза и решила прекратить подобные фантазии. Реальность куда проще: она стоит на третьем этаже старого дома, принадлежавшего художнику, который жил сто лет назад... художнику, который давно умер и который...

И тут она опять услышала тот же зук.

Анита осмотрелась, и ей показалось, будто что-то прошмыгнуло у нее под ногами.

– Ай! – вскрикнула она и быстро зажала рот ладонью.

Что это было? Обезьяна? Бесхвостая макака с Гибралтара?

И снова послышался тот же звук.

Но ведь не было обезьян в этом доме. Уже не было.

Прошло слишком много времени. Венеция. Дом, который нуждается в реставрации. Со множеством великолепных фресок на стенах.

И все же она видела перед собой только удлиненные головы диковинных когтистых животных, лазающих по ветвям дерева с висящими в пустоте корнями.

Тук-тук.

Снова раздался звук над ее головой. И за ним отчетливо прозвучало мяуканье. Анита посмотрела вверх, туда, где лестница поднималась выше – к позолоченному потолку с трещиной посередине. Именно оттуда доносился звук.

Тук-тук.

Снова послышались легкие шаги.

– Глупый котенок… – проворчала девочка, кусая губу. – Неужели забрался на самый верх, в мансарду?

Там находилась мастерская художника. Того самого, что умер, выпив последнюю чашку чая. Мастерская сгорела. За слуховым окном, под шестью кривыми дымовыми трубами.

Мама предупредила Аниту: в доме Мориса действительно нет никакого света. Совершенно никакого.

Анита взялась за перила и посмотрела наверх. Там было темно, и лишь чуть-чуть поблескивала позолота.

Тук-тук.

Сердце забилось громче. И чаще.

Девочка стала подниматься.

Ступала на ступеньку за ступенькой, все время держась за перила. И глядя только вверх. Когда оказалась уже почти на самом верху, котенок промяукал третий раз.

Анита хотела было заговорить с ним, но почувствовала, что во рту совершенно пересохло. Поэтому молча прошла на самую верхнюю площадку и увидела перекошенную дверь, которая вела в комнату, находившуюся на самом верху Разрисованного дома.

Последние лучи дневного света пробивались в дверную щель, позволяя рассмотреть цепь с висячим замком.

Котенок, видимо, находился там, за дверью. Теперь Анита слышала, как он царапается в нее.

Девочка посмотрела на связку ключей.

И стала подниматься дальше.

Руки у нее дрожали, сердце билось как сумасшедшее.

Последние ступеньки оказались самыми трудными. Почему-то у девочки мелькнула мысль, что за дверью царапается совсем не Мьоли?. И, как все прочие фантазии Аниты, мысль эта не давала ей покоя. Подойдя к двери, девочка позвала котенка. Он замяукал в ответ, и Анита успокоилась.

– Мьоли?! Как ты туда попал?

Ей показалось, будто в дверной щели мелькнул черно-белый шерстяной комочек.

– Не беспокойся! – сказала Анита. – Я пришла. Это я. Сейчас открою дверь. Вот только найду нужный ключ... и пойдем домой.

«Конечно домой», – повторила она мысленно, не оглядываясь по сторонам, хотя ей казалось, что кто-то стоит у нее за спиной. Она чувствовала это. И ощущение это шло не от картин на стене. Но она не обернулась. Поискала ключ, попробовала один.

Нет, не подходит.

И следующий тоже не подошел.

И третий тоже...

Мьоли? мяукал все громче. Но Анита никак не могла подобрать ключ. И чувствовала, что за ее спиной кто-то всхлипывает.

– Какая досада! – рассердилась она.

И так пнула дверь ногой, что по всей лестнице отозвалось долгое эхо удара.

Анита глубоко вздохнула. По другую сторону двери Мьоли? затих. Свет в дверных щелях померк. Стало темно.

Девочка закрыла уши руками. Не обернулась.

Немного успокоившись, вдруг услышала, что кто-то поднимается по лестнице.

И это уже не в ее воображении.

О господи!

На самом деле кто-то поднимается по лестнице.

Анита почувствовала, как мурашки побежали по коже.

Шаги на лестнице. Кто же это поднимается снизу?

Она усмирила свое воображение и молча ожидала, прижавшись лбом к двери, пока шаги не умолкнут.

А они приближались.

Не останавливались.

И тогда она обернулась.

Но никого не увидела.

Подошла к перилам и, перегнувшись через них, посмотрела вниз.

Увидела поднимавшуюся фигуру и, узнав своего друга, радостно закричала:

– Томми!

– Анита! – отозвался он. – Что случилось? Что это был за шум?

Стукнула дверь, подумала Анита и снова зажмурилась. Это Томми, ее друг. Только он, ее единственный венецианский друг. И нет никакого призрака, рыцаря или путешественника, явившегося из прошлого. Никакой обезьяны. Только Томми, который поднимается, запыхавшись, по последнему маршу лестницы.

– А ты что здесь делаешь? – удивилась Анита.

– Ты долго не возвращалась... И я решил пойти тебе навстречу.

– Он тут, внутри.

– Внутри... Кто?

– Мьоли?. Я слышала, как он мяукает.

Томми поднялся через две ступеньки на самый верх лестницы:

– Так заберем его. И побыстрее, а то ничего не видно.

– Дверь заперта.

Анита передала мальчику связку ключей.

Томми включил свой фонарик-карандаш, желая рассмотреть висячий замок, и довольно быстро открыл его. Потом ослабил цепочку и немного приоткрыл дверь, чтобы перепуганный насмерть черно-белый котенок мог выбежать на лестницу.

– Вот он! – обрадовалась Анита.

Мьоли? прыгнул к ней на руки, словно ища защиты.

Томми не стал рассматривать, что там, за дверью, снова натянул цепочку и закрыл висячий замок.

Через минуту юные друзья выбежали на улицу, на свежий вечерний воздух, и пошли по каналу Борго.

Вокруг уже светило много вечерних огней.

Глава 3

ФРАНЦУЗСКИЙ ХУДОЖНИК

– Что это был за человек? – уже поздно вечером спросила Анита маму.

Они спали с нею в одной большой кровати, хотя папа и возражал.

Кровать огромная, со множеством лежащих друг на друге шерстяных матрасов, и потому такая высокая, что забраться на нее стоило труда. Зато наверху становилось так уютно, что совсем не хотелось слезать.

– Что это был за человек… Кто? – удивилась госпожа Блум, опуская книгу. Она всегда допоздна читала одну и ту же книгу.

Наверное, у нее нет конца, думала Анита.

Она повернулась на подушке и заглянула маме в глаза.

Мягкий свет лампы окутывал женщину, волосы ее пахли шампунем, а дужки очков казались позолоченными палочками.

– Ты похожа на Вирджинию Вулф, – сказала Анита.

Ее мама усмехнулась и опустила книгу:

– Я думаю, тебе уже давно пора спать.

– Но мне не хочется.

Госпожа Блум положила в книгу закладку и протянула руку к лампе на тумбочке, намереваясь погасить свет:

– Ты спросила… Кого ты имела в виду?

– Французского художника.

– Мориса Моро?

– Да, именно его. Что это был за человек?

Щелк. И свет погас.

Комната погрузилась в темноту, но вскоре глаза Аниты привыкли ко мраку, и она стала различать контуры предметов в лунном свете, лившемся в окно.

Они всегда спали с открытыми ставнями.

– Это был очень своеобразный человек, который не вписывался ни в какие схемы, – ответила дочке госпожа Блум, натягивая одеяло по самый подбородок. – Он иллюстрировал детские книги.

– В самом деле? А какие детские книги?

– Главным образом о путешествиях. Вроде «Путешествий Гулливера», читала?

– Про остров лилипутов и остров гигантов?

– Верно. И еще он иллюстрировал «Странствия Сэра Джона Мандевиля». И «Миллион» Марко Поло.

– Итальянского путешественника, который побывал в Китае.

– Молодец.

– Томми показал мне свой дом, – объяснила Анита, откидываясь на подушку. – Но он говорит, что это не настоящий его дом.

– Нет особой разницы между настоящим домом и не настоящим, – заметила ее мама. – Важно, как смотреть на вещи... Если нам удобно считать его настоящим... значит, он настоящий, вот и все.

– Но Томми говорит...

– Томми много чего говорит, – засмеялась госпожа Блум.

Анита поняла, что хотела сказать мама, и тоже посмеялась.

Они помолчали.

– У него в самом деле была обезьяна?

– Анита, попробуй уснуть.

– Так это правда или нет?

– Да. Правда. Он привез ее из Африки, куда попал через Гибралтарский пролив.

– Он был в Африке?

– И во многих других местах. Он был великим путешественником.

– И рисовал все места, где бывал?

– Во всяком случае, нечто похожее. – Госпожа Блум зевнула. – Скажем так, он рисовал места, какие ему нравились, не особенно заботясь о том, бывал там или нет.

– Но ты-то знаешь, бывал он там или нет?

– Вот поработаю пару месяцев, верну этим фрескам их настоящие краски, тогда, может быть, и узнаю. А теперь... спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

* * *

Помолчав некоторое время, Анита снова заговорила:

– Мама!

– Что?

– Покажешь завтра, где нарисована обезьяна?

– Анита...

– Ты же сказала, что он нарисовал ее. Покажешь?

– Хватит разговаривать, Анита...

– Ну, пожалуйста!

– Анита, послушай, уже двенадцать часов, наверное. А завтра тебе в школу, и...

– Я очень хочу посмотреть на эту обезьяну!

– Не сможешь. Этот рисунок на потолке.

– Поднимусь с тобой на леса.

– Твой отец…

– Но мама!

– Ох, ну хорошо…

– Обещай.

– Обещаю.

И Анита наконец уснула.

* * *

Утро пролетело как один миг.

Анита вернулась из школы, горя нетерпением. Дома ее ожидал обед, который нужно разогреть, и множество записок от мамы с объяснениями, как это сделать.

Анита пренебрегла ими и, лишь бы побыстрее, съела обед, не разогревая, посмотрела в дневнике, какие нужно приготовить уроки на завтра, выбрала нужные учебники и тетради и сунула их в рюкзак.

– Ты готов в путь? – спросила она Мьоли?, сидевшего на холодильнике.

Анита вяла котенка и сунула в карман куртки, и Мьоли? очень неплохо устроился там, высунув мордочку и две белые лапки.

– Идем!

Анита двинулась по улице, перешла мостик и пробежала по площади Борго, придерживая карман, чтобы котенок не вывалился.

В яркий солнечный день, когда берега оживлены, когда на канале Джудекка бурлит плавучий овощной рынок, Разрисованный дом нисколько не пугал. Самый обыкновенный старый венецианский дом с белым кружевным рисунком крыши и со всеми приметами своего возраста. А в этот день госпожа Блум открыла к тому же все ставни.

Анита вошла в вестибюль. Узкая лестница залита светом. Солнце вливается в распахнутые окна, и в его лучах пляшут тысячи пылинок. Анита прошла в сад, в увитую виноградом беседку, и оставила рюкзак возле столика.

Мьоли? выбрался из кармана.

– А ты смотри веди себя хорошо! – велела ему девочка. – Понял? Мне совсем неохота искать тебя по всему городу, как вчера!

Котенок поднял голову и стал вылизывать свою шерстку, и Анита приняла это за согласие.

– Будь умницей! – добавила она и вернулась в вестибюль, собираясь подняться к маме.

Сверху, из большого зала на третьем этаже, доносилась музыка.

* * *

– Привет! – крикнула Анита маме.

Та находилась на самом верху лесов и наклеивала липкую бумагу на потолочные балки.

– Привет! – откликнулась художница-реставратор. Потом вздохнула и опустилась на колени. – Если бы только твой отец знал, что я позволяю тебе такое...

– А что?

Госпожа Блум указала Аните на одну из металлических стоек, которые поддерживали леса:

– Посмотри сюда. Видишь вот эти пазы. Поднимись по ним, как по ступенькам. Но будь осторожна.

* * *

Анита тотчас начала взбираться на леса, и они задрожали.

– Осторожней!

Девочка быстро поднялась наверх к матери.

– Вот моя обезьянка... – произнесла шутливым тоном госпожа Блум, взъерошив дочери волосы. – Будь осторожна. Закружится голова – опустись на четвереньки.

– Хорошо.

– И самое главное... не урони ведро с краской. Оно обойдется мне дороже платы за твое лечение.

Анита показала маме язык. Она понимала, что та шутит. И ей нравилось это. Так шутят взрослые.

И сейчас ей не терпелось поскорее увидеть обезьяну.

– Где она? – спросила Анита.

Ее мама прошла на противоположный край площадки, к самому углу.

– Вот здесь, – сказала художница-реставратор, поднимая светильник, и ярким белым лучом осветила обезьяну с живыми, хитрыми глазами, короткой рыжей шерстью и густыми бровями.

– Вот это да! – воскликнула Анита.

Удивительно, но она представляла ее именно такой. Навсегда запечатленной здесь рукой ее хозяина. Обезьяна выглядела нахальной, любопытной и в то же время, странное дело, умной. И смелой, даже сказала бы Анита.

– Познакомься, это Птолемей, – сказала госпожа Блум, указав на украшение в виде щита над круглой головой животного.

Анита рассмеялась:

– Довольно странное имя для обезьяны.

– Так звали одного путешественника, – продолжала ее мама. – Птолемей – древнегреческий ученый, он один из первых попытался представить форму Земли, морей, континентов. Он рисовал их самым неверным образом, но через несколько тысячелетий оказалось, что не ошибался.

Анита хотела потрогать рисунок, но мама остановила ее:

– Нельзя. Каждое прикосновение к фреске оставляет на ней практически неизгладимый след.

Девочка хотела было возразить, но мама опередила ее:

– Даже если ты вымыла руки.

Анита спросила:

– А почему он нарисовал ее такой, как ты думаешь?

– Понятия не имею.

– А почему у нее подняты лапы?

– Думаю, она поддерживает потолок.

Анита покачала головой:

– Нет. Лапы слишком далеко от него. Она делает… что-то совсем другое.

Девочка всмотрелась в глаза обезьяны, пытаясь найти в них ответ.

– Мне кажется, мама… она довольна, ты не находишь?

– Может быть, – согласилась госпожа Блум.

– Она держит в руках что-то, чего нет, – продолжала Анита. – Что-то легкое. Или же… ожидает, что придется держать что-то…

Художница-реставратор пожала плечами:

– Не знаю, что сказать тебе. Возможно, у тебя есть задатки искусствоведа. – Она погасила светильник. – Так или иначе… ты хотела посмотреть на обезьяну. Вот она такая. А теперь, если не возражаешь, тебе пора приняться за уроки.

Анита кивнула.

– Чтобы спуститься… – начала было объяснять госпожа Блум, но Анита опередила маму. Прошла на другой край лесов и стала спускаться вниз, обхватив опорную стойку.

– Пока, мама! – сказала она. И, прежде чем исчезнуть внизу, добавила: – Пока, Птолемей.

* * *

Анита быстро сбежала по лестнице, залитой солнцем. Фрески Мориса Моро казались живыми. А придя в беседку, девочка обнаружила, что котенок снова исчез.

– Опять! – сказала она с досадой.

Однако на этот раз успела заметить белый хвостик Мьоли?, убегающего вдоль стены.

Как она и ожидала, котенок забрался на крышу беседки, но не перебрался оттуда в соседний сад, а перескочил на ближайшее дерево и с него – на крышу. А там нашел какое-то узкое отверстие и скрылся в той комнате, где Анита нашла его накануне.

– Так вот ты где! – обрадовалась девочка.

Мамина сумка лежала возле лестницы.

Анита убедилась, что мама не видит ее, и открыла сумку. Конечно, нехорошо трогать мамины вещи без разрешения, но все же… Она взяла связку ключей и поднялась по лестнице на самый верх – к мансарде. Висячий замок открылся легко и сразу.

И тут Анита почему-то испугалась.

Она осторожно приоткрыла дверь и увидела пустую комнату и пол, застеленный полиэтиленом – очевидно, для защиты от протечки.

Анита вошла.

И в самом деле, мало что осталось от мастерской Мориса Моро. Длинная, узкая терраса, откуда открывалась панорама лагуны и виднелись дома на острове Джудекка.

Мьоли? сидел на крыше; освещенный ярким солнечным светом, он походил на египетского сфинкса. Заметив хозяйку, котенок слегка пошевелил хвостиком.

Анита нерешительно направилась к Мьоли?, ступая по полиэтилену. Черные, обгорелые балки, стены покрыты копотью, разбитый дощатый пол. Повсюду пух и перья голубей. И пахнет мышами.

И на стенах здесь другие рисунки, покрытые темным слоем копоти.

Девочка пренебрегла советом мамы и коснулась фрески.

Она оказалась теплой. Когда отняла руку, на стене остался светлый след, а палец почернел от грязи. Анита снова провела по фреске рукой. А потом еще раз, постепенно стирая копоть.

Ей понравилось, и она улыбнулась. Еще немного, и перед ней возникли глаза, которые она хорошо запомнила.

– И тут Птолемей, – прошептала девочка.

Она присела возле стены и принялась не спеша очищать ее, открывая портрет второй обезьяны. Мьоли? время от времени посматривал на свою юную хозяйку.

Этот Птолемей весьма отличался от того, которого Анита видела этажом ниже, где работала мама. Тот поднимал лапы высоко верх, словно хотел поддержать потолочную балку.

А этот будто топает ногами.

Тот мудрый и спокойный, этот какой-то безумный, почти свирепый.

Анита долго рассматривала Птолемея, пытаясь понять, что он все-таки делает и почему Морис изобразил его в двух таких необычных видах.

«Может, есть и другие его изображения...» – подумала девочка, осматриваясь, но других обезьян не увидела. Она снова присела на корточки перед рисунком.

– Интересно, что ты хочешь сказать мне? – громко спросила она, осторожно приподняв с пола полиэтиленовую пленку.

Под ней оказалось обгорелое дерево – старые балки разной величины.

Нужно позвать Томми и рассказать ему все. Томми обожает подобные вещи. А она…

Анита уперлась руками в пол рядом с рисунком обезьяны, и дерево слегка скрипнуло.

Анита нажала на одну балку, потом на другую и поискала то место, куда мог бы прыгнуть Птолемей.

Ничего не произошло.

А что, собственно, могло случиться? Это же старое, обгорелое дерево, немного скрипит, и…

Щелк! – вдруг скрипнуло что-то на полу. Только один раз, но совершенно отчетливо.

Анита в испуге отдернула руку. Что это было?

Она снова коснулась того места, откуда послышался щелчок, и опять надавила. Однако на этот раз старые балки только слегка скрипнули.

Анита сложила руки на коленях и задумалась. Она действительно слышала щелчок? Действительно что-то щелкнуло или показалось? Что-то произошло – но что?

Девочка поднялась в необычном волнении и поискала Мьоли?. Котенок хотел убежать от нее, но она поймала его:

– А теперь пошли отсюда! Ты понял?

Она подхватила его и вышла из мастерской.

– Больше никогда не поднимайся сюда! Никогда, понял? – повторила она. – Никогда!

Она заперла дверь и положила ключ в сумочку мамы.

* * *

Анита с нежеланием взялась за уроки, и делать их почему-то оказалось очень трудно.

Все время приходилось перечитывать одни и те же строчки, прежде чем их смысл доходил до нее. К тому же нередко девочка ловила себя на том, что смотрит на стены, на окна и поврежденную крышу. А глядя на слуховое окно, все время вспоминала, как удивительно скрипнул тогда пол. Она качала головой и возвращалась к учебнику.

Мьоли? больше никуда не убегал, весь день пролежал рядом с Анитой на столе.

Вечером мама застала ее все еще за уроками.

– Пойдем домой? – предложила госпожа Блум.

Девочка подняла на нее глаза. Мамин силуэт выделялся на темном фоне лестницы.

Анита молча сложила книги и тетради в рюкзак, а Мьоли? сам забрался в карман ее куртки.

– Много заданий сегодня? – спросила художница-реставратор. И прибавила: – А Томми не приходил?

Анита опять не ответила. Казалось, мысли ее путаются, причем настолько, что она даже не в силах ничего сказать.

– Что-нибудь случилось? – встревожилась госпожа Блум молчанием дочери.

Анита покачала головой и прошла следом за мамой к выходу, но, прежде чем выйти из Разрисованного дома, решила снова взглянуть на фреску на третьем этаже.

Ей захотелось еще раз увидеть Птолемея.

– Я быстро, мама! – заверила она, бросила рюкзак и побежала вверх по лестнице.

Подойдя к лесам, поискала взглядом обезьяну. Она по-прежнему находилась там, наверху, в углу комнаты. И в самом деле казалось, будто поддерживает лапами потолочную балку. Анита присмотрелась внимательнее. Вечерние тени сгущались и, конечно, не помогали ей, но девочке показалось, будто балка, которую поддерживает Птолемей, кривая.

Или как будто сместилась.

Анита даже заморгала от удивления.

Неужели мама не замечала этого?

– Анита! – позвала дочь госпожа Блум.

– Иду! – отозвалась Анита и тут же, недолго думая, поднялась на леса и прошла в самый угол.

Мьоли? прятался у нее в кармане. Стараясь не задеть мамины инструменты, Анита приблизилась к Птолемею.

И действительно, что-то произошло: теперь конец потолочной балки оказался точно в лапах обезьяны. Балка опустилась примерно на десять сантиметров. Анита подняла руку, тронула ее, и торец балки неожиданно легко открылся.

Девочка вздрогнула.

Изнутри вдруг выдвинулся и опустился прямо в руки Аните небольшой деревянный брусок, при этом девочка едва не потеряла равновесие. Теперь она держала в руках что-то похожее на квадратную коробочку сантиметров

двадцать в длину и столько же в ширину и глубину. Выходит, в этой потолочной балке находился тайник, открывшийся сейчас благодаря тому, что Анита, когда была над нею – в мансарде, – нажала на какую-то доску на полу…

– Анита, я запру тебя здесь! – крикнула снизу госпожа Блум.

Девочка заглянула в коробку. Там лежали пожелтевший пакет, пучок каких-то черных перьев, перевязанных тонкой бечевкой, черная, в пятнах металлическая коробочка с красками и какое-то странное медное кольцо.

Анита положила все это в карман, вставила коробку на место – в тайник – и слегка надавила.

Щелк! – раздалось тут же, и балка снова оказалась на своем месте – на десять сантиметров выше лап Птолемея.

– Вот это да… – прошептала девочка.

И спустилась с лесов.

Глава 4

ЧТО ХРАНИЛОСЬ В ПАКЕТЕ

Горячая вода заполняла ванну, пока Анита в халате сидела рядом на полу, разложив на коврике содержимое загадочной коробки.

Мама девочки тем временем занималась домашними делами.

Прежде всего Анита открыла совсем небольшую жестяную коробочку-палитру с отделениями, в которых лежало десять неполных пакетиков акварельной краски – порошки, которые нужно растворить в воде. Рядом крохотные углубления для смешивания красок и место для кисточек. Сбоку на коробочке имелся небольшой шлиц, который легко вставлялся в медное кольцо.

Анита вставила его, и коробочка превратилась в небольшой пюпитр, не нуждавшийся в опоре.

Пар от горячей воды стал затуманивать зеркало.

Осмотрев кисти, Анита прочитала надпись на пожелтевшем пакете:

Если найдете, просьба вернуть господину Морису Моро, площадь Борго, 89, Венеция. Вознаграждение гарантируется. Или просьба переслать господину Муру, Путешественнику-фантазеру, Фрогнэл-Лайн, 23, Лондон.

Девочка повертела пакет в руках, не сразу решившись вскрыть его. В нем, похоже, лежало что-то плотное, но довольно легкое. Анита надорвала пакет.

Внутри оказалась книга. Или дневник. Или что-то похожее и на то, и на другое. Одним словом, записная книжка с довольно твердой обложкой; страницы ее выглядели как бы слегка обтрепанными, но именно этим, как известно, отличается бумага, изготовленная вручную.

Анита положила книжку на жестяную коробочку-палитру для красок.

На конверте было написано: Путешествие в Умирающий город.

Под надписью длинный прочерк и дата: 1909.

Строкой ниже подпись: Морис Моро.

Анита с волнением открыла записную книжку.

На первой странице она увидела рисунок: человек в шляпе с широкими полями, из-под которой выбиваются длинные волосы, сидит верхом на сундуке и читает

книгу. Кривые ноги его в черных высоких сапогах стискивают настолько набитый чем-то сундук, что казалось, он вот-вот откроется и сбросит с себя седока.

Рисунок являл собой нечто вроде посвящения, потому что под ним Морис Моро написал: Моим друзьям, Путешественникам-фантазерам.

– Путешественники-фантазеры… – проговорила Анита, перечитывая адрес, написанный на конверте: Господину Муру, Путешественнику-фантазеру.

Девочка перевернула страницу. Здесь рисунок оказался побольше. Три человека в лесу возле какой-то странной, квадратной и очень низкой конструкции. Подпись под рисунком гласила: Et in Arcadia ego[1 - Я в Аркадии (лат.).].

* * *

На другой странице оказалась рамочка без всякой картинки.

* * *

Следующую страницу густо испещряли какие-то непонятные символы. Анита принялась быстро листать дальше, чувствуя, как ее охватывает какое-то странное волнение.

Два десятка страниц этой записной книжки занимало множество других рисунков и непонятных записей, очень похожих на египетские иероглифы. Пустые рамочки, рисунки и подписи к ним чередовались без какого-либо очевидного порядка, и только иногда в этой загадочной путанице эскизов и непонятных знаков можно было что-то угадать.

Как, например, в самом конце записной книжки, где Анита остановилась на странице, озаглавленной «Умирающий город». Здесь на рисунке изображался грустный пейзаж в осенних красках, а в центре возносилась над окружающим лесом, подобно гигантскому грибу, голая скала с крутыми склонами.

«Но тут нет никакого города...» – подумала Анита, а между тем горячая вода наполняла паром ванную. С необыкновенным волнением рассматривая пейзаж, девочка совсем забыла о ней. Как и на многих других страницах, этот рисунок тоже помещался в рамочке, образованной цветочным узором. Совсем крохотный, не больше марки, он особенно привлек ее внимание, потому что в отличие от других изображал женщину.

Ее окружала падающая листва, а ветер приподнял юбку. Обернувшись, женщина смотрела назад, словно хотела понять, не преследует ли ее кто-то. Но... создавалось впечатление, будто она смотрит из книги наружу. Как будто убегает от читателя.

От Аниты.

– Вот это да... – проговорила девочка.

Горячая вода уже поднялась до краев ванны, а пар заполнил комнату.

Анита прикоснулась к осеннему пейзажу и медленно провела рукой по контуру рисунка. Бумага оказалась шершавая, пористая, плотная, такую Анита еще никогда не встречала. Кончиком пальца она осторожно тронула рамочку рисунка с обернувшейся женщиной, потом, поколебавшись немного, коснулась и ее самой.

И тут что-то случилось.

Аните неожиданно стало очень грустно. Чувство это внушал ей рисунок, к которому она прикасалась, оно словно заполняло ее, при этом еще острее ощущался аромат цветов и громче шелестела листва на деревьях, качавшихся на ветру.

Она сильнее прижала рисунок, и чувство сделалось еще ярче – еще ощутимее стал аромат цветов, слышнее шорох листвы и дуновение ветра.

А потом в ее сознании необыкновенно отчетливо прозвучал голос изображенной на рисунке женщины.

– Помоги... – произнесла она. – Прошу тебя, помоги мне.

Анита испугалась, отдернула руку от рисунка и тут же поняла, что снова находится в своей ванной комнате.

И услышала шаги мамы за дверью.

– Анита! – позвала госпожа Блум. – Анита, ты все еще в ванне?

Девочка тотчас вскочила.

Ее потрясло случившееся. Но она не хотела, чтобы мама увидела вещи, которые принадлежали Морису Моро.

Она быстро спрятала их под стопкой полотенец, сбросила халат и быстро забралась в ванну – в очень горячую воду. И едва успела.

Открыв дверь, госпожа Блум отпрянула, испугавшись пара.

– Анита! – воскликнула она, замахав руками. – С тобой все в порядке?

– Да, мама, – ответила девочка, заворачивая кран и стараясь не двигаться в горячей воде.

Вода уходила в отверстие и выплескивалась через край, разливаясь по всему полу.

– А что, без такого потопа ты не могла принять ванну?

– Я все уберу.

– Ты уверена, что все в порядке?

– Конечно, – подтвердила Анита.

На самом деле не все, конечно. Вода была как кипяток. Просто обжигала.

– Зачем же ты принимаешь такую горячую ванну? – упрекнула дочку госпожа Блум.

– Выйди, пожалуйста, – попросила Анита. – Выйди, а то заору.

Женщина улыбнулась:

– Жду в кровати. Постарайся хотя бы волосы не намочить.

Как только мама закрыла дверь, Анита выскочила из ванны. Кожа покраснела, как вареный рак.

* * *

Вытираясь, девочка все пыталась понять, что же произошло. Да нет, конечно, она ошиблась. Просто у нее, как всегда, разыгралось воображение, вот и подумала, будто слышит голос. На самом деле звала ее мама, а ей просто показалось, будто кто-то просит о помощи.

Это все, что произошло. Только и всего.

Постепенно Анита успокоилась, сердце перестало биться как сумасшедшее. Девочка спустила воду из ванны и поискала среди множества разных баночек на полке у зеркала подходящий крем. Нанесла его на покрасневшую кожу, надела пижаму и спокойно, как ни в чем не бывало, почистила зубы, словно это самый обыкновенный вечер, который ничем не отличается от других.

Такой же обыкновенный, как остальные.

Выглянув в коридор, она убедилась, что мама уже в постели: в спальне горел свет. Отлично.

Анита достала вещи Мориса Моро из-под полотенец и пробежала в комнату, где находилась небольшая библиотека. Большая осталась в Лондоне, вместе с папой.

Открыла ящик стола, где лежали школьные тетради, – намеревалась спрятать все там.

Но любопытство все же опять неудержимо завла дело ею, и она снова открыла записную книжку.

И к своему огромному удивлению, обнаружила, что узорчатая рамочка пуста – никакой женщины в ней нет.

Возможно ли такое?

Анита быстро пролистала записную книжку в обратном направлении и остановилась, наткнувшись на другую рамочку, которая помещалась на краю страницы со страшным изображением пылающего замка. Она уже видела ее раньше, но тогда рамочка показалась пустой.

А теперь в ней обнаружилось изображение человека, сидевшего на высокой пирамиде из стульев и удерживавшего равновесие с помощью длиннейшего черного зонта.

Рисунок выглядел смешным и тревожным одновременно.

Анита осмотрелась.

В квартире темно и тихо, свет горит только на тумбочке у кровати, слышно иногда, как мама переворачивает страницу книги.

Девочка снова посмотрела на человека, сидевшего на пирамиде из стульев. Он никуда не делся. Она не ошиблась – это не померещилось ей.

* * *

Анита прикоснулась к рисунку и тотчас, как и прежде, почувствовала, как что-то поползло по ее руке все выше и выше, как будто забирались по ней какие-то крохотные насекомые.

На этот раз девочку охватил страх.

Анита замерла, по-прежнему не отнимая ладонь от рисунка с человеком.

И услышала в своем сознании голос. Сухой, скрипучий мужской голос.

– А ты кто такая? – недовольно спросил он.

И тут где-то вдали прогудел пароход. Анита даже вскрикнула от испуга. Кинула книжку в ящик, побежала в спальню и забралась под одеяло.

Госпожа Блум опустила книгу и с удивлением спросила:

– А теперь что случилось?

– Ничего. Ничего не случилось, – солгала девочка. Потом добавила: – Пожалуйста, не выключай свет.

Глава 5

ПРИЗЫВ О ПОМОЩИ

– Они обращались ко мне, понимаешь? – сказала Анита Томмазо.

Ребята возвращались из школы. Анита поведала мальчику о двух обезьянах, о тайнике в потолочной балке, о разных вещах, найденных в нем, и записной книжке. Томмазо слушал вроде бы спокойно. И, пытаясь понять, кое-что уточнил:

– Ты положила руку… и услышала голос?

– Ну да.

Мальчик покачал головой:

– В самом деле очень странная история.

– Очень странная, – согласилась Анита. – И это случилось два раза, а не один.

– Только в первом случае... ты не испугалась?

– Нет. Скорее стало очень грустно. Ведь я слышала, как меня просят о помощи. Кажется, это говорила женщина.

– А во второй раз?

– Испугалась, и все. Мне показалось, будто человек, сидящий на пирамиде из стульев, находится внутри книги и смотрит на меня. И это было очень страшно!

Томмазо остановился у моста:

– Думаю, мне стоило бы взглянуть на эту записную книжку. Она с тобой?

– Хочешь посмотреть прямо тут?

– Нет, возьму домой. У меня есть специальные инструменты.

– Какие еще инструменты? – с недоумением произнесла она.

– Не беспокойся. Так с тобой книжка или нет?

* * *

Инструменты Томмазо – это лупа, нож для резки бумаги, желтые самоклеющиеся листочки для записей и монетка-талисман, которую подарила ему тетушка.

Ребята уселись скрестив ноги на ковре в спальне. Анита показала другу кисточки, коробку с красками, кольцо и записную книжку.

Томмазо рассмотрел все под лупой, записал что-то на листочки и положил их рядом. Когда Анита передала ему пакет, в котором лежала книжка, он произнес:

– Вот оно что… – И замолчал. Потом взял книжку и прибавил: – Выходит, это и есть…

Он измерил ее: двадцать сантиметров на пятнадцать и два сантиметра в толщину. Взвесил: двадцать семь граммов.

Анита не возражала против этих манипуляций и молча наблюдала за ними.

Затем, положив записную книжку прямо перед собой на ковер, Томмазо долго рассматривал ее в лупу и наконец пришел к выводу, что в ней нет ничего особенного.

– Открой ее, – предложила Анита.

Прежде чем сделать это, Томмазо надел белые латексные перчатки.

– Немного малы… – проворчал он, с трудом натягивая их. – У мамы стянул…

– В таких работают полицейские криминалисты?

– Она использует их для чистки креветок.

– Надеюсь, ты вымыл их?

Скорчив подруге рожицу, Томмазо открыл записную книжку.

Все выглядело точно так, как рассказала Анита. В начале книги имелось посвящение, потом шли акварельные рисунки и какие-то записи, сделанные необычными буквами, похожими на иероглифы.

– Я так и представлял их себе, – заметил Томмазо.

– Тебе знакомы эти символы?

Перевернув несколько страниц, мальчик признался:

– Я знаю это письмо.

– Как это понимать, по-твоему?

– Потом объясню... Где рамочка, о которой ты говорила?

– Дальше.

Мальчик пролистнул несколько страниц.

– Вот! – громко сказала Анита, останавливая друга. – Должна быть на этой странице... вот здесь...

Рамочка, в которой Анита видела страшное изображение пылающего замка, оказалась пуста.

– Эта?

– Да. Но человека тут нет.

– Как нет?

Анита посмотрела на пустую рамочку:

– Он был здесь.

– Ты хочешь сказать, что говорящий рисунок исчез?

– Не смейся надо мной!

– Я не смеюсь!

– Нет смеешься. Уверяю тебя, он был здесь, в этой рамочке.

– А женщина?

Рассердившись, Анита взяла записную книжку, открыла на странице с пейзажем и указала на пустую рамочку в нижнем углу страницы.

– Тоже исчезла?

– Похоже.

– А ты уверена, что видела их?

– Видела! Обоих!

– А может, ты все-таки ошиблась. Может быть, просто преувеличила, рассматривая рисунки, и…

– Уверяю тебя, в рамочках были оба человека.

– И они с тобой разговаривали, а потом исчезли? И все это тебе кажется нормальным?

– Нет, это не кажется мне нормальным. Именно потому я и рассказала тебе!

– Да, но…

– Но судя по всему, я ошиблась! Не надо было ничего говорить тебе, потому что теперь ты считаешь меня фантазеркой!

– Анита, я не считаю тебя фантазеркой, но… – Томмазо пролистал страницы в поисках других рамочек. – Но согласись, что…

– С чем еще я должна согласиться?

– Ну, хватит! С тобой невозможно разговаривать!

– С тобой тоже! – Анита сложила руки на груди и замкнулась в упрямом молчании.

Томмазо продолжал листать записную книжку.

– Конечно, все это очень красиво, – сказал он.

Анита промолчала.

– Это вроде дорожной записной книжки.

Никакого ответа.

Мальчик остановился на посвящении в самом начале книжки и, когда увидел сундук у ног Путешественника-фантазера, прибавил:

– Вот и сундук! Невероятно! Точно таким я и представлял его. Все повторяется.

Анита искоса посмотрела на друга:

– Что повторяется?

Томмазо еле заметно улыбнулся:

– О нет, ничего особенного. Три вещи очень удивили меня.

Анита с недовольством посмотрела на него.

– Адрес на пакете, – продолжал Томмазо, – в который вложена записная книжка. Буквы, которыми сделаны записи, и посвящение. И знаешь почему?

– Конечно нет.

– Потому что мне кажется, будто все это я уже где-то видел.

Томми подошел к книжной полке над своей кроватью и провел рукой по корешкам книг.

– Куда же я ее дел?.. – проговорил он.

Но вскоре нашел нужную книгу и передал Аните со словами:

– Посмотри, кто автор.

– Улисс Мур, – прочитала девочка.

– Вот именно. Улисс Мур. А кому адресован пакет? Некоему господину Муру.

Анита повертела книгу в руках. Она называлась «Ключи от Времени».

– Я думаю, это просто совпадение, – решила она.

– Не спеши.

Томмазо открыл книгу на первой странице и указал на фотографию большого сундука:

– Вот второе совпадение. Переводчик книги сообщает, что его послали на полуостров Корнуолл познакомиться с загадочным автором и что, приехав туда, он получил этот сундук в гостинице «постель & завтрак», где остановился.

– И что же в этом сундуке?

– Дневники. Записи этого Улисса Мура, все зашифрованы. Написаны непонятным почерком. И это третье совпадение.

Томмазо быстро перелистал книгу и нашел в ней множество точно таких же символов, какие использовал в своей записной книжке Морис Моро.

– Вот это да! – воскликнула Анита, узнав их. – Но как это возможно?

– Наверное, история Улисса Мура не совсем вымышленная.

– О чем она?

– О городе, который невозможно найти.

– Или об Умирающем городе?

– Нет, это город, и называется он Килморская бухта. Находится где-то на полуострове Корнуолл… Самый обычный город, но только там есть Двери времени.

– А что это такое?

– Это двери, которые можно открыть только особыми ключами с головками в виде разных животных. Каждый ключ открывает только одну дверь. И, открыв, позволяет перенестись… в какое-нибудь очень далекое место.

– Но это ведь невозможно.

– Почему?

– Нет таких дверей.

– Нет и книг с картинками, которые исчезают…

Анита закусила губу:

– Ну а дальше?

Томмазо пожал плечами:

– Не все так просто. Кто-то почему-то отправляет четыре ключа ребятам. И получается, что эти ключи открывают одну из Дверей времени. И только Дверь

времени. Причем самую важную из всех – деревянную, обшарпанную, будто кто-то пытался снять ее с петель, и опаленную, словно пытались поджечь.

Анита стала слушать внимательнее.

– Ребятам удается открыть ее, но прежде им нужно расшифровать послания, записанные вот таким же непонятным образом.

– И как же это им удается?

– Легко. В домашней библиотеке хранится книга под названием «Словарь забытых языков». Вот она и помогла им.

– А что было потом, когда открыли дверь?

– Потом они попали в далекую воображаемую страну Древнего Египта. Туда, где никто никогда не бывал.

– Вроде этого городка Килморская бухта?

– Совершенно верно. И это не единственное путешествие, какое они совершили. Еще они побывали в саду священника Джанни, о котором рассказывает Марко Поло, а также здесь, в Венеции.

– В Венеции?

– Они искали Остров масок.

– А тут есть такой?

– К сожалению, нет, – вздыхает Томмазо. – Но по описанию он очень похож на один островок в лагуне, где когда-то был монастырь. И видишь ли, какая история… Он сгорел. Как в книге.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Я в Аркадии (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/mur_uliss/zateryannyy-gorod

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить